

Научная статья

УДК 398.81

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

**Тема разлуки в песенном фольклоре
чувашских переселенцев Кемеровской области**

Екатерина Игоревна Исмагилова¹

Елена Владимировна Федотова²

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Россия

¹ zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

² elena.fedotova.73@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>

Аннотация

Рассматривается воплощение темы разлуки в песенных текстах, записанных в 1951 и 2007 гг. от чувашских переселенцев Кемеровской области. Эта тема присутствует в гостевых и рекрутских песнях, а также в песнях переселенцев. Выявлены образы, репрезентирующие тему разлуки в песенных текстах, проанализированы характерные черты проявления этой темы в образцах разных фольклорных жанров, описаны особенности отражения темы разлуки в записях разных лет. Авторы приходят к выводу о сохранении преемственности в локальной традиции чувашей Кемеровской области, что проявляется в сходной тематике песен и общих закономерностях ее выражения.

Ключевые слова

песенный фольклор чувашей Сибири, фольклор чувашских переселенцев, диахроническое изучение фольклорной традиции, тема разлуки в фольклоре, песни переселенцев

© Исмагилова Е. И., Федотова Е. В., 2022

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (№ 19-78-10113, 2019–2022, рук. П. С. Шахов)

Для цитирования

Исмагилова Е. И., Федотова Е. В. Тема разлуки в песенном фольклоре чувашских переселенцев Кемеровской области // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 241–257. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

The Theme of Separation in the Song Folklore of the Chuvash Settlers of the Kemerovo Region

Ekaterina I. Ismagilova ¹, Elena V. Fedotova ²

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Chuvash State Institute for the Humanities
Cheboksary, Russian Federation

¹ zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

² elena.fedotova.73@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>

Abstract

This paper examines the embodiment of the theme of separation in the song texts recorded in 1951 and 2007 from the Chuvash settlers of the Kemerovo region. This theme is present in guest and recruit songs, in the songs of immigrants created in the process of forced resettlement of the Chuvash to new lands. In aphoristic short-plot songs, the theme of separation often manifests itself in the form of separate words and verbal turns – “signs” that point to it. In guest songs, the theme of separation is conveyed most often through images of memories, distant distances, abandonment, sadness. “Signs” of crying, farewell, big cities, symbolizing the foreign side, prevail precisely in recruit songs; in them, the theme of separation sounds especially dramatic and tense. In the songs of the settlers, the images present in the guest and recruit songs are summed up. In addition, in the songs of the settlers there are detailed descriptions of the move and the harsh living conditions in new places. Probably, such a topic was relevant specifically for the bearers of the tradition in the middle of the 20th century, which is associated with their memories of forced resettlement in Siberia at the beginning of the 20th century, as well as with the memory of the difficult trials of the period of the Great Patriotic War. Despite the absence of song vari-

ants in the recordings of different times considered by us, there is a certain continuity in the folklore samples of the local Chuvash tradition of the Kemerovo region. It manifests itself in the similar themes of a number of the considered songs and the features of its expression (general words are “signs” indicating the theme of separation, the principle of two-link figurative parallelism is preserved in many texts).

Keywords

song folklore of Chuvash Siberia, folklore of Chuvash settlers, diachronic study of folklore tradition, the theme of separation in folklore, songs of settlers

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project of the Russian Science Foundation “Folklore autochthonous and migratory traditions of the peoples of the Volga region in modern records and historical dynamics: an interactive atlas of sounding texts” (no. 19-78-10113, 2019–2022, supervisor P. S. Shakhov)

For citation

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. The Theme of Separation in the Song Folklore of the Chuvash Settlers of the Kemerovo Region. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 241–257. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

Введение

Тема разлуки в чувашском песенном фольклоре представлена достаточно широко и разнообразно. Она звучит в гостевых и рекрутских песнях, занимает важное место в песнях переселенцев, которые создавались в процессе освоения чувашами новых земель, за пределами их родины в Поволжье. Современные исследователи считают, что тема разлуки, особенно по отношению к фольклорным традициям, существующим за пределами материковой территории, к настоящему моменту еще очень мало изучена и ждет своего осмысления [Матвеев, Федотова, 2016, с. 174].

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении воплощения темы разлуки в народных песнях, записанных от чувашских переселенцев и их потомков, ныне проживающих в Кемеровской области. Для достижения цели нужно охарактеризовать жанры, в которых отражена эта тема, выявить отдельные слова и словесные обороты, свидетельствующие о ее наличии в песенных текстах, рассмотреть особенности проявления этой темы в образцах разных фольклорных жанров, обнаружить специфику воплощения этой темы в разновременных записях фольклора.

С конца 1990-х гг. по настоящее время в ходе совместной работы новосибирских этномузыковедов с фольклористами из Чебоксар фиксируется и изучается неизвестный ранее пласт фольклора сибирских чувашей. Пес-

ни чувашских переселенцев, записанные в Тюменской и Новосибирской областях, уже являлись предметом внимания одного из авторов этой статьи [Федотова, 2009; Матвеев, Федотова, 2016, с. 170–175]. В настоящей работе тема разлуки в песенных текстах рассматривается на новом, не введенном ранее в научный обиход материале – записях чувашского фольклора из Прокопьевского района Кемеровской области, выполненных в разное время. Это, во-первых, тексты песен, записанные известным чувашским музыкальным деятелем, композитором и фольклористом С. М. Максимовым, приехавшим в 1951 г. в деревню Михайловка Киселевского (ныне Прокопьевского) района Кемеровской области. В этой деревне, куда в 1908 г. переселились его родственники из села Яншихово-Норваши Цивильского уезда Казанской губернии (ныне территория Янтиковского района Чувашской Республики), С. М. Максимов записал на слух 43 песни, бытовавшие в то время в Михайловке – «весь местный репертуар» [Кондратьев, 2002, с. 297]¹. Во-вторых, это записи значительно более позднего периода, выполненные в населенных пунктах Прокопьевского района Кемеровской области в 2007 г. музыкально-этнографической экспедицией Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (далее – НГК), проведенной под руководством Н. В. Леоновой [Леонова и др., 2009; Татаринова, 2009]². При этом что сами песенные тексты, записанные в разное время, не совпадают (т. е. варианты песенных текстов практически отсутствуют), тема разлуки отчетливо прослеживается в образцах фольклорных жанров, зафиксированных в разные исторические периоды.

Песенные жанры, в которых звучит тема разлуки

Самые ранние по времени формирования жанры, в которых присутствует тема разлуки, – гостевые песни (*хӑна юррисем*), которые занимают важное место в чувашской песенной традиции. М. Г. Кондратьев относит их к семейно-обрядовым жанрам и считает, что исполнение их приурочено к древним обрядам гостевания, проводимых осенью и посвященных пред-

---

¹ Рукопись С. М. Максимова хранится в домашнем архиве его наследницы А. Л. Максимова, которая предоставила копию рукописи Е. И. Исмагиловой для изучения.

² Материалы экспедиции хранятся в Архиве традиционной музыки НГК, А 0234.

кам и древним божествам [Кондратьев, 2018, с. 349, 387]. В процессе их совершения члены одного рода встречались, устраивали застолье и праздновали окончание сельскохозяйственного года. В настоящее время эти обряды практически прекратили свое существование. Сложившиеся же в их ритуальном контексте песни могут исполняться во время любых праздников и застолий, утратив таким образом свою обрядовую и временную приуроченность.

Закономерно, что тема разлуки также отражена в текстах рекрутских песен (*салтак юррисем*). Рекрутские песни исполнялись в процессе обряда проводов в рекруты (*салтак йсатни*), проводившегося во время осеннего призыва³. Это песни достаточно позднего происхождения – воинская повинность для «иностранцев» была введена в 1705 г., соответственно, и обряд проводов в рекруты сформировался в начале XVIII в. При этом рекрутские песни опираются на закономерности значительно более ранних по происхождению обрядовых жанров: «по музыкально-стилевым признакам и поэтике эти песни вполне вписываются в круг наиболее архаичных и сакральных по духу формульных жанров в чувашском фольклоре» [Кондратьев, 2007, с. 117].

Тема разлуки является основным содержанием песен переселенцев (*çĕнĕ çĕре каякансен юррисем*). Это тематическая группа лирических песен складывалась в процессе переселения чувашей из Поволжья на новые земли (Татарстан, Башкортостан и другие территории левобережного Заволжья, Урал, Сибирь и др.), а также уже во время проживания носителей традиции в новых местах [ЧУНТ, 1978, с. 17]. Чуваша переселялись со своей родины, начиная с XVI в. В Сибири чуваша оказались в результате нескольких переселенческих волн, связанных со Столыпинской аграрной реформой, голодом 1921–1922 гг., освоением новых земель в лесных районах, раскулачиванием 1930-х гг., плановыми переселениями 1950–1970-х гг. [Коровушкин, 2009, с. 74–75; Матвеев, 2006, с. 250]. Очевидно, что переезд на новые земли не был ни вольным, ни романтическим. Для чувашей, чье традиционное сознание очень тесно связано с их малой родиной, с отношениями среди представителей своего рода и односельчанами, вынужденный отъезд из родных мест на чужбину, в неизвестность чаще всего воспринимался как суровое испытание, поэтому в песнях переселен-

---

³ Известны случаи проведения этого обряда в Сибири вплоть до 1980-х гг. [Исмагилова, 2012, с. 266].

цев ярко отражены сложные, исполненные драматизма чувства, вызванные прощанием с близкими, остающимися на родине.

Слова и словесные обороты, обозначающие тему разлуки

Тема разлуки не во всех песенных текстах изложена развернуто, подробно и открыто. В традиционных краткосюжетных афористических чувашских песнях *çавра юрă* [Кондратьев, 2007, с. 63–64] она проявляется «намекami», в виде отдельных слов и словесных оборотов – «знаков», указывающих на нее. Эти знаки рассредоточены в фольклорных текстах разных жанров.

Гостевые песни

В гостевых песнях на тему разлуки указывают часто встречающиеся слова *родственники вспоминаются, вспомнил*. Приведем примеры из рукописи С. М. Максимова:

*Икĕ турă лаша тан юртать те,
Тилхеписем тăрăх тар юхать.
Çак тăвансем аса килсесĕн те,
Ик куçăмран куçсуль тан юхать.*

Два гнедых бегут рысью вровень да,
По вожжам пот течет.
Когда эти **родственники вспоминаются** да,
Из обоих глаз слезы текут вровень.
(1951)⁴

*Шур Атăл юхмасть-çке,
Тетел ярсан путмасть-çке.
Çак тăвансем ас[ă]ма килсен
Выртсан ыйхă килмест-çке.*

Белая Волга ведь не течет же,
Невод если опустить, ведь не тонет же.
Когда эти **родственники вспоминаются**,
Когда ложусь спать, ведь сон не идет же.

*Тумăскинчен килтĕн-им?
Умăскинчен килтĕн-им?
Эпĕр асна килсесĕн
Элле тин асăнтăн-им?*

Из Томска ли приехал?
Из Омска ли приехал?
Когда **мы вспомнились** тебе
Или тогда только нас **вспомнил**?
(1951)

Одним из ведущих поэтических приемов в рассматриваемых образцах является двухзвенный образный параллелизм – «непременное свойство

⁴ (1951) – указание на принадлежность образца к текстам, записанным в 1951 г. С. М. Максимовым.

çавра юрă» [Кондратьев, 2018, с. 180]. Как правило, в его первом, метафорическом, звене повествуется об образах природы, во втором же, основном, звене характеризуются коллизии мира людей, их размышления и эмоции. Так, например, в следующем тексте используется сравнение *одинокий дуб – оставленный родственник*. Тема разлуки здесь передана через смысловое противопоставление: *я ухожу, ты остаешься*. В этом контексте слова *дальний родственник* обозначают именно дальность расстояния между родней. Об эмоциональном отношении к происходящему свидетельствует слово *печалюсь*. Можно сказать, что в этом тексте тема разлуки представлена более открыто и очевидно:

*Эй, юман, юман,
Айлăмри юман.
Эпĕ иртнĕ чух
Авăнса юлан.*

Эй, дуб, дуб,
Дуб в низине.
**Когда я прохожу,
Остаешься, согнувшись.**

*Эй, тăван, тăван,
Аякри тăван.
Эпĕ кайнă чух
Хурланса юлан.*

Эй, родственник, родственник,
Дальний родственник.
Когда я ухожу,
Остаешься, печалюсь.
(2007)⁵

Рекрутские песни

Более драматично и напряженно передана тема разлуки в рекрутских песнях. Новобранец, уходя служить в армию (особенно в периоды войн), понимал, что, возможно, прощается с близкими людьми и своей родиной навсегда. Поэтому в рекрутских песнях часто встречаются образы, связанные с *прощанием* и *плачем*, а также присутствуют прямые указания на расставание и долгое ожидание встречи:

*Ура çине тăтăм: «Сыв пул», –
терĕм çав,
Тăван куçне шылма пуçларĕ.*

На ноги встал: «**Будь здоров**⁶», –
сказал да,
Родственник начал **вытирать** глаза.

⁵ (2007) – указание на материалы музыкально-этнографической экспедиции НГК, проведенной в 2007 г.

⁶ Букв.: здоровым / живым будь.

T[ǎ]вансем, эфир кунтан уйрǎлсассǎн Родственники, когда мы здесь
сав, **расстанемся** да,
Час-час курассисем час пулмǎс. **Не скоро будут частые встречи.**
 (1951)

Атте, манийǎн ан макǎр – Отец, обо мне **не плачь** –
Кǎлсе тухас лашу мар [Я] не конь твой, которого надо запрячь и поехать.
Анне, манийǎн ан макǎр – Мама, обо мне **не плачь** –
Ларса сǎвас ёнǎ мар. [Я] не корова твоя, которую надо доить.
Пичче, манийǎн ан макǎр, Брат, обо мне **не плачь**,
Тытса тǎхǎнас кǎр[ǎ]кǎ мар. [Я] не шуба твоя, которую надо взять и надеть.
Йǎмǎк манийǎн ан макǎр, Сестренка, обо мне **не плачь**,
Тытса сǎхас тутру мар. [Я] не платок твой, который надо взять и повязать.
 (1951)

Ан йǎр, атте, манийǎн та **Не плачь**, отец, по мне да
Ан йǎр, анне, Не плачь, мать.
Йǎрссесǎн те юласси пулас сук. Даже если и **плакать** –
Не будет [возможности] остаться.
 (2007)

В одной из рекрутских песен поэтапно прослежен переход будущего солдата в иное пространство и в иное, нежели сельское общество, состояние – *расставание* от членов семьи и односельчан. В этом образце наблюдается большое сходство с текстами свадебных песен, в которых также имеется описание процесса перехода:

С[ǎ]тел хуишинчен тухрǎм, тайǎлтǎм – Из-за стола вышел, поклонился –
Аттепе аннерен уйрǎлтǎм. С отцом и матерью **расстался**.
Сенǎхрен тухрǎм, тайǎлтǎм – Из сеней вышел, поклонился –
Пиччепе инкерен уйрǎлтǎм. С братом и его женой **расстался**.
Ханхаран тухрǎм, эп тайǎлтǎм – За ворота вышел, поклонился –
Аппапа йыснаран уйрǎлтǎм. С сестрой и ее мужем **расстался**.
Поскотинтан тухрǎм, тайǎлтǎм – От поскотины отошел, поклонился –
Пётём ял-йыщран уйрǎлтǎм. Со всеми односельчанами **расстался**.
Чиккеех ситрём, тайǎлтǎм – До границы дошел, поклонился –
Суралнǎ сǎр-шывран⁷ уйрǎлтǎм. С родиной **расстался**.
 (2007)

⁷ *Суралнǎ сǎр-шывран* – дословно: «от родной земли-воды».

В рекрутских песнях также закономерно имеются указания на *дальность* расстояний, отделяющих близких людей друг от друга, а также на прохождение новобранцев через *большие города*, символизирующие собой чужбину:

<i>Ёнтё эпёр каятпър пит аякка</i>	Уж мы уходим очень далеко.
<i>Пит аякка кайиччен курса юлър,</i>	Пока очень далеко не ушли – успеете увидеть,
<i>Каятпър хуларан хулана.</i>	Будем идти из города в город.
	(2007)

О неотвратимости разлуки свидетельствует сравнение происходящего с природными закономерностями, изменить которые невозможно, в частности с восходом солнца:

<i>Хёвелех те тухать те</i>	Да солнце да всходит
<i>Ай, хёрелсе,</i>	Ай, аля,
<i>Хёрлё чаршав карса та чарас сук,</i>	И не остановить , занавесив алым занавесом,
<i>Эпирех те каятпър</i>	Мы да уходим да
<i>Ай, инçете.</i>	Ай, далеко ⁸ .
	(2007)

Встречаются тексты с прямым указанием на расставание и разлуку:

<i>Уйрълатпър, т[ă]вансем,</i>	Расстаемся , родственники,
<i>уйрълатпър –</i>	расстаемся –
<i>Эпир каяс кунсем инçе мар.</i>	Недалеки дни, когда нам надо уходить.
<i>И усрёмёр, т[ă]вансем, ай, усрёмёр,</i>	Да росли, ай, родственники, ай, росли,
<i>Чăх айёнче тухнă чёпё нек.</i>	Словно цыплята, вылупившиеся
	под клушкой.
<i>Уйрълатпър эпёр, саланатпър</i>	Расстаемся мы, расходимся,
<i>Çапă айёнчи куян чёппи нек.</i>	Словно зайчата из-под сухих сучьев.
	(1951)

В одном из текстов уходящие в солдаты просят не говорить о них, что они **пропали**. Вероятно, имеется в виду «пропали без вести», поскольку, согласно чувашским традиционным представлениям, если известно, что человек погиб, а также место его захоронения, то он не пропал бесследно, а находится в определенном месте *вырӑн* – месте погребения его праха, останков, указывающем на завершение земного бытия человека [Федотова Е., Федотова Т., 2018, с. 99].

⁸ Первые три строфы этого текста изначально являлись строками ритуальной песни *юпа юрри*, исполнявшейся во время похорон, при прощании с умершим.

<i>Эпирех каятпӑр та ял-ял урлӑ Аслӑ хуласене шыраса. Аслӑ хуласене те ситсе кӑрсен Вун ик сыру ярсан та тупас сук.</i>	Мы да уходим через деревни В поисках больших городов . Если в большие города да войдем, И, отправив двенадцать писем, да [нас] не найти.
<i>Вун ик сыру ярсан та тупаймасан – Сухалчӑ пӑль тесе ан калӑр.</i>	Если и, отправив двенадцать писем, да [нас] не найдете, – Не говорите, что, наверное, пропали . (1951)

Таким образом, в рекрутских песнях преобладают эмоциональные (*плач*) и пространственные (*дальность расстояний, большие города*) образы, указывающие на разлуку, которой невозможно избежать.

Песни переселенцев

Пожалуй, наиболее ярко и многообразно тема разлуки воплощена в песнях переселенцев, создаваемых именно для выражения чувств и размышлений, рождающихся у людей в состоянии разлуки с родиной и близкими. Так же, как и в гостевых песнях, в этих образцах лирических высказываний тема разлуки преломляется через *воспоминания* о родственниках:

<i>Пӑрле в[ӗ]реннӑ, ай, ачисем. Асилеççӑ-ши мана? Асилеççӑ пӑль вӑсем Тӑлӑкӑнче курсасӑн.</i>	Вместе обучавшиеся, ай, дети Вспоминают ли меня? Вспоминают , наверное, они, Когда видят во сне [меня]. (2007)
---	--

Имеются здесь и указания на *дальность расстояний*, разделяющих близких людей, и на крайнюю затрудненность связи между ними:

<i>Пирӑн тӑванӑмсем пит аякра – Салам ярса салам ситес сук.</i>	Наши родственники очень далеки – Если передать привет – привет не дойдет . (1951)
<i>Сыруне те сыртӑм, пичетлерӑм, Аякри тӑвана шырама.</i>	Письмо да написал , запечатал, Чтобы искать родственника , который далеко . (1951)

<i>Сăмавар пур, чейсем сук, Бываннă чух ёçеттём. Тăван аса килнĕ чух та Вёçе кайттайм – сунат сук.</i>	Самовар есть, чая нет, Попить бы, когда устала. В момент, когда родственник вспоминается да, Полетела бы – крыльев нет. (1951)
--	---

В некоторых текстах говорится о том, что *душа печалится*, т. е. об эмоциях человека, живущего в чужих, негостеприимных для него краях:

<i>Çĕпĕр вăрман, аслă вăрман Пит хăрушийн туйанать – Юрламастăп, чаранатăп – Çамрăк чунăм хурланать.</i>	Сибирский лес, великий лес [Мне] кажется очень страшным. Не буду [больше] петь, перестану – Молодая моя душа печалится. (2007)
--	---

Отсутствие родственников в новых местах проживания сравнивается с отсутствием красоты и угнетающе действует на человека, живущего вдали от родины и родных:

<i>Выр[ă]сла хапхан тăрри сук, Ай-яй, тăрри сук та илем сук, Пирĕн кунта тăван сук Тăван сук та кăмăл сук.</i>	У тесовых створчатых ворот на русский лад нет вершины, Ай-яй, нет вершины, да и красоты нет , У нас тут нет родни , Родни нет, да и настроения нет. (1951)
--	--

Примечателен один из образцов песни переселенцев, зафиксированной С. М. Максимовым. Начальные строки двух первых строф этого образца лирической песенности являются строками изначально ритуального текста, исполняющегося во время похорон, при прощании с умершим (*юпа юрри*)⁹:

<i>Ашта каян, чёкес, сымёр витёр Ик сунатту вёçне йёпетсе?</i>	Куда летишь, ласточка, сквозь дождь, Кончики двух крыльев заставляя мокнуть?
--	---

⁹ В настоящее время эта песня исполняется как произведение обрядового жанра лишь в локальных традициях чувашей Башкортостана и Татарстана [Кондратьев, 2018, с. 257].

*Эй, хир хăви аслă шыв хёрринче,
Иртет ёмёр Сибирь сёрёнке.*

Эй, степная ива на берегу большой реки,
Проходит жизнь на земле Сибири.

Аста каян, тăван, мана пăрахса,

**Куда уходишь, родственник, меня
покидая,**

Ик куçайнтан куçсуль юхтарса?

Из своих обоих глаз слезы заставляя течь?

*Эй, хир хăви аслă шыв хёрринче
Иртет ёмёр Сибирь сёрёнке.*

Эй, степная ива на берегу большой реки,
Проходит жизнь на земле Сибири.
(1951)

Исполнение этого образца свидетельствует о том, что для переселенцев вынужденный переезд с родины в далекую Сибирь ассоциировался практически со смертью. Присутствуют здесь и уже известные нам по рекрутским песням «знаки» темы разлуки, такие как *плач (слезы), уход, оставленность (куда уходишь, родственник, меня покидая)*.

Далее, в этом же тексте встречается образ моста, который символизирует собой мечту о соединении двух миров, – утраченной родины и нелюбимой чужбины – *земли Сибири*:

Эс леш енче, тăван, ай, эп ку енче –

**Ты на той стороне, родственник, ай,
я на этой стороне –**

Хушишăмăра каçма хывар-и?

Не проложить ли мост между собой?

*Эй, хир хăви аслă шыв хёрринче
Иртет ёмёр Сибирь сёрёнке.*

Эй, степная ива на берегу большой реки,
Проходит век на земле Сибири.
(1951)

В образцах переселенческих песен, сложенных, вероятно, уже в XX в., можно заметить более развернутые, детальные повествования. В них отражены яркие зрительные и эмоциональные образы прощания, а также состояние внутреннего протеста, нежелание принять происходящее:

*Эпир килтёмёр Çипире
Вақун-вақун тиенсе,
Пир[ё]н тăвансем пăхса юлчёç
Юпа çине таянса.*

Мы приехали в Сибирь,
Погрузившись в вагоны,
Наши родственники остались,
Глядя [нам] вслед, прислонившись к столбу.

*Кёмёл кашйăк аврийё
Тытмалла мар пёçерет.
Çунса кайтăр Çипирь сёрё –
Вута-шыва ўкерет.*

Ручка серебряной ложки
Обжигает, нельзя взять.
**Пусть сгорит земля Сибири –
Она [нас] бросает в огонь и в воду.**
(1951)

И есть тексты, в которых специфические слова, указывающие на разлуку, практически отсутствуют. Горечь разлуки и тяготы жизни в местах вынужденного переселения в таких случаях выражаются через противопоставление счастливых картин прошлой жизни на родине и тяжелых реалий существования на новом месте:

*Эпир ёлѣк Мункун чух,
Хуньѣм патне кайнѣ чух
Матка кукѣль сѣклетчѣ,
Хам сѣрине сѣклеттѣм.
Ах, анчах...
Хале эпир Сипирьте,
Пилѣк таран юр сиче.*

Мы раньше, когда Пасха была,
Когда шли к моему тестю,
Жена несла пироги,
Сам я пиво нес.
Ах, но только...
**Сейчас мы в Сибири,
На снегу, который [нам] по пояс.**
(1951)

Можно сказать, что в песнях переселенцев суммируются образы (*воспоминание, дальность расстояний, оставленность, уход, печаль, плач*), встречающиеся в гостевых и рекрутских песнях. Во многих образцах присутствует и основная поэтическая конструкция традиционной чувашской поэзии – двухзвенный образный параллелизм. В некоторых же текстах, как приметы более позднего времени формирования – начала XX в., появляются развернутые, почти сюжетные описания переезда, суровых условий жизни в новых местах и отношения к происходящему у носителей традиции.

Выводы

Рассмотрев особенности претворения темы разлуки в разных жанрах чувашской песенности, охарактеризуем особенности ее воплощения в записях, выполненных с временной дистанцией в 56 лет. Фольклорные тексты с этой темой количественно преобладают в записях Максимова: из 43-х зафиксированных им образцов она встречается в 14-ти (около трети от общего числа текстов). В записях же 2007 г., для сравнения, «знаки» темы разлуки обнаружены нами только в семи образцах из 39-ти текстов (примерно пятая / шестая часть от всего фольклорного материала). Можно предположить, что подобная тематика была актуальна именно для носителей традиции в середине XX столетия. Это связано с их воспоминаниями о вынужденном переселении в Сибирь в начале XX в., в котором они сами принимали участие, а также, вероятно, с совсем свежей памятью о тяжелых испытаниях периода Великой Отечественной войны.

В записях Максимова присутствуют более развернутые и архаичные тексты (например, песня о ласточке, ранее имевшая сакрально-ритуальное значение). Также им записано большое количество гостевых песен (18 образцов), значительно большее, чем в записях 2007 г. (2 образца). Во многих из них присутствуют образы разлуки с близкими людьми, что в условиях отрыва от родины способствует функционально-жанровому переосмыслению гостевых песен: народные певцы исполняют их в качестве образцов неприуроченной лирики – песен переселенцев.

Однако тема разлуки, занимавшая столь важное место в локальной фольклорной традиции середины XX столетия, пусть и в меньшем количестве образцов, всё же нашла свое место и в репертуаре исполнителей начала XXI в. В 2007 г. потомками чувашских переселенцев еще не были утрачены рекрутские и гостевые песни, а отдельные образцы песен переселенцев (например, песня позднего формирования «*Çĕнĕр вăрман*» – «Сибирский лес») даже явились своеобразной визитной карточкой традиции на современном этапе ее бытования [Татарина, 2009, с. 52].

Несмотря на отсутствие песенных вариантов в рассмотренных нами разновременных записях, определенная преемственность в фольклорных образцах локальной традиции чувашей Кемеровской области всё же присутствует. Она проявляется в сходной тематике ряда рассмотренных песен и особенностях ее выражения (общие слова – «знаки», указывающие на тему разлуки, сохранение во многих образцах принципа двухзвенного образного параллелизма). Дальнейшее изучение чувашских песенных текстов с привлечением материалов, представляющих другие локальные сибирские традиции, позволит скорректировать и уточнить сформулированные в настоящем исследовании выводы.

Список литературы

Исмагилова Е. И. Рекрутские песни в фольклорной традиции сибирских чувашей // Чуваша и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.) / Сост. и отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 263–275.

Кондратьев М. Г. Степан Максимов. Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары, 2002. 334 с.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с., илл.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.: ил.

Коровушкин Д. Г. Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – XXI веке. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 188 с.

Леонова Н. В., Журба А. В., Татарина А. Д. Фольклорные традиции Прокопьевского района Кемеровской области // Сибирская этномузикологическая экспедиция: Сравнительное изучение процессов трансформации в интонационных культурах Сибири и Непала. Новосибирск, 2009. С. 44–48.

Матвеев Г. Б. Отчет об экспедиции в Тюменскую область // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 250–256.

Матвеев Г. Б., Федотова Е. В. Чуваши юга Тюменской области. Чебоксары: Типография «Новое время», 2016. 288 с.

Татарина А. Д. Люди и песни из Михайловки // Сибирская этномузикологическая экспедиция: Сравнительное изучение процессов трансформации в интонационных культурах Сибири и Непала. Новосибирск, 2009. С. 49–55.

Федотова (Ермилова) Е. В. Жанр переселенческих песен и его место в фольклорном исполнительстве (на материале современных записей) // Художественно-творческое наследие чувашей в современном фольклорном исполнительстве. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 64–69.

Федотова Е. В., Федотова Т. Ю. Красноармеец Кирилл Петрович Ермилов – участник Смоленского оборонительного сражения у города Ярцево в июле – октябре 1941 года // Великие сыны России: битва за Москву (к 75-летию битвы за освобождение Москвы в Великой Отечественной войне): Сб. материалов Открытого республ. конкурса-фестиваля науч.-исслед. и творческих работ (Чебоксары, 27 ноября 2016 г.) / Отв. ред. П. Н. Матюшин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. С. 94–100.

ЧУНТ – Чувашское устное народное творчество / Сост. И. И. Одюков, Г. Ф. Юмарт. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. Т. 3: Песни. На чувашском языке.

References

Fedotova (Ermilova) E. V. Zhanr pereselencheskikh pesen i ego mesto v fol'klornom ispolnitel'stve (na materiale sovremennykh zapisey) [Genre of resettlement songs and its place in folklore performance (based on modern re-

cordings)]. In: *Khudozhestvenno-tvorcheskoe nasledie chuvashey v sovremennom fol'klornom ispolnitel'stve* [Artistic and creative heritage of the Chuvash in modern folklore performance]. Cheboksary, 2009, pp. 64–69. (in Russ.)

Fedotova E. V., Fedotova T. Yu. *Krasnoarmeets Kirill Petrovich Ermilov – uchastnik Smolenskogo oboronitel'nogo srazheniya u goroda Yartsevo v iyule – oktyabre 1941 goda* [Red Army soldier Kirill Petrovich Ermilov – a participant in the Smolensk defensive battle near the city of Yartsevo in July – October 1941]. In: Matyushin P. N. (ed.). *Velikie syny Rossii: bitva za Moskvu (k 75-letiyu bitvy za osvobozhdenie Moskvy v Velikoy Otechestvennoy voyne)* [Great sons of Russia: the battle for Moscow (to the 75th anniversary of the battle for the liberation of Moscow in the Great Patriotic War)]. Collection of materials of the Open Republic competition-festival scientific research and creative works (Cheboksary, November 27, 2016). Cheboksary, 2018, pp. 94–100. (in Russ.)

Ismagilova E. I. *Rekrutskie pesni v fol'klornoy traditsii sibirskikh chuvashey* [Recruit songs in the folklore tradition of the Siberian Chuvash]. In: Ivanov V. P. (comp. and ed.). *Chuvashi i ikh sosedi: etnokul'turnyy dialog v prostranstvenno-vremennom kontinuuime* [Chuvash and their neighbors: ethno-cultural dialogue in the space-time continuum]. Materials of the interregional scientific and practical conference (Cheboksary, November 15–16, 2011). Cheboksary, 2012, pp. 263–275. (in Russ.)

Kondratev M. G. *Stepan Maksimov. Vremya. Tvorchestvo. Masshtab lichnosti* [Stepan Maksimov. Time. Creation. Personality Scale]. Cheboksary, 2002, 334 p. (in Russ.)

Kondratev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music in the mirror of parallels: to the problem of the Volga-Ural musical civilization]. Cheboksary, 2018, 447 p. (in Russ.)

Kondratev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]. Moscow, 2007, 288 p. (in Russ.)

Korovushkin D. G. *Chuvashi v Zapadnoy Sibiri: Rasselenie i chislennost' v kontse XIX – XXI veke* [Chuvash in Western Siberia: Settlement and numbers at the end of the 19th – 21st century]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, 188 p. (in Russ.)

Leonova N. V., Zhurba A. V., Tatarinova A. D. *Fol'klornye traditsii Prokop'evskogo rayona Kemerovskoy oblasti* [Folklore traditions of the Prokopenvsky district of the Kemerovo region]. In: *Sibirskaya etnomuzykologicheskaya*

ekspeditsiya: Sravnitel'noe izuchenie protsessov transformatsii v intonatsionnykh kul'turakh Sibiri i Nepala [Siberian Ethnomusicological Expedition: Comparative Study of Transformation Processes in the Intonational Cultures of Siberia and Nepal]. Novosibirsk, 2009, pp. 44–48. (in Russ.)

Matveev G. B. Otchet ob ekspeditsii v Tyumenskuyu oblast' [Report on the expedition to the Tyumen region]. *Chuvashskij gumanitarnyj vestnik*. 2006, no. 1, pp. 250–256. (in Russ.)

Matveev G. B., Fedotova E. V. Chuvashi yuga Tyumenskoy oblasti [Chuvash of the south of the Tyumen region]. Cheboksary, 2016, 288 p. (in Russ.)

Odyukov I. I., Yumart G. F. (comp.). Chuvashskoe ustnoe narodnoe tvorчество [Chuvash oral folk art]. Cheboksary, 1978, vol. 3. (in Chuvash)

Tatarinova A. D. Lyudi i pesni iz Mikhaylovki [People and songs from Mikhailovka]. In: Sibirskaya etnomuzykologicheskaya ekspeditsiya: Sravnitel'noe izuchenie protsessov transformatsii v intonatsionnykh kul'turakh Sibiri i Nepala [Siberian Ethnomusicological Expedition: Comparative Study of Transformation Processes in the Intonational Cultures of Siberia and Nepal]. Novosibirsk, 2009, pp. 49–55. (in Russ.)

Информация об авторах

Екатерина Игоревна Исмаилова, кандидат искусствоведения

WoS Researcher ID K-3370-2017

SPIN 4393-9194

Елена Владимировна Федотова, кандидат филологических наук

SPIN 1012-5431

Information about the Authors

Ekaterina I. Ismagilova, Candidate of Sciences (Art History)

WoS Researcher ID K-3370-2017

SPIN 4393-9194

Elena V. Fedotova, Candidate of Sciences (Philology)

SPIN 1012-5431

Статья поступила в редакцию 01.02.2022;

одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 15.03.2022

The article was submitted 01.02.2022;

approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 15.03.2022